

ПРОТИВ КОРРУПЦИИ

Какая проблема сегодня в России самая важная? Коррупция. Всеобъемлющая, всеохватывающая, как ржа разъедающая всё на своём пути. Ничего страшнее коррупции нет. Это зло в чистом виде. По крайней мере, так считает большинство россиян. И всё потому, что — видя, какие беды несёт это зло, — не видит просвета в борьбе с ним. Но есть же выход? Или зло это и в самом деле непобедимо? Об этом разговор за «круглым столом». В нём принимают участие: заместители председателя Государственной думы РФ Сергей Бабурин и Владимир Жириновский; заместитель председателя Комитета по безопасности Государственной думы РФ, председатель Комиссии Госдумы по противодействию коррупции Михаил Гришанков; президент фонда «Содействия внедрению социальных инноваций», профессор Александр Дмитриев; доктор философии, писатель Александр Зиновьев; депутат Государственной думы РФ Николай Павлов.

— Всё, как известно, познаётся в сравнении. Когда коррупции (использования должностными лицами своего служебного положения в корыстных целях) было в России больше: до октябрьской революции, при большевиках или теперь? И какова динамика за последние 15 лет? Пошла ли коррупция на убыль с приходом Путина?

СЕРГЕЙ БАБУРИН:

На мой взгляд, сегодня ситуация с коррупцией трагична. Если 15 лет назад коррупция была фактором стыдливым и мало значимым — да, да, малозначимым, поскольку она осуждалась обществом, пряталась, была теневой стороной нашей жизни, — то на сегодняшний день коррупция является элементом экономической системы, элементом системы политической. Нынче вряд ли можно найти в обществе людей, которые скажут, что можно существовать вне этой системы и что наши органы власти сверху донизу не подвержены коррупции. А это значит, что произошло страшное. Коррупция стала как бы неотъемлемым элементом всей нашей реальности. С прискорбием должен отметить, что за последние пять лет общая динамика здесь в лучшую сторону не изменилась.

МИХАИЛ ГРИШАНКОВ:

На самом деле коррупция возникла очень давно. Как только появился сам институт государства и присущие ему атрибуты, в первую очередь, бюрократический аппарат чиновничества, в той или иной степени имеющий отношение к распределению и предоставлению услуг, — появились и коррупционные отношения. Поскольку рамки «круглого стола» не предполагают глубокого погружения в историю, хотел бы остановиться на ситуации последних 15 лет. Я считал и считаю, что 90-е годы стали своего рода «золотым веком» коррупции в России. Причём, речь идёт не только и не столько о масштабах коррупции, сколько о создании условий, благодатной почвы для её расцвета. Проведённые в быстром темпе псевдорыночные реформы, в ходе которых государство понесло колоссальный экономический ущерб, а в выигрыше осталась горстка новых собственников российских недр, парад суверенитетов и передача, по существу, неограниченной власти на местах региональным элитам в сочетании с целенаправленным развалом правоохранительных органов и спецслужб, их хроническим недофинансированием и оттоком из них профессионалов привели к формированию устойчивого и всеобъемлющего рынка коррупционных услуг на федеральном и региональном уровнях.

Совершенно очевидно, что созданная в 90-е годы питательная среда сама собой не

рассосётся. Для того, чтобы кардинально снизить уровень коррупции в стране, необходимы последовательные и системные меры. На мой взгляд, и в 90-е годы, и сегодня уровень коррупции недопустимо высок и не только является фактором, негативно влияющим на имидж России и её инвестиционную привлекательность, но и представляет реальную угрозу национальной безопасности государства.

ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ:

Коррупция — это продажность. Коррупция в России была всегда как неотъемлемая черта бюрократизма. Вопрос в масштабах. На мой взгляд, нет особого смысла говорить о том, в какой период её было больше, а в какой меньше. Важно, анализируя прошлое, понять, какие механизмы борьбы с этим злом являются наиболее эффективными и, что самое главное, оптимальными для нашего государства на пути излечения этой болезни.

Сложно сказать, пошла ли на убыль коррупция после прихода Путина. И это связано с тем, что нет чёткой доминанты по этому вопросу, идущей от верховной власти. Заявлений, которые делает президент в том духе, что коррупция — это зло, недостаточно. Нет надлежащей поддержки его инициативам со стороны чиновничьей бюрократии. Наоборот, наблюдается саботаж.

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ:

В истории России минимальная коррупция имела место в советские годы. Сравнительно низкая степень коррумпированности советского общества объясняется образом жизни большинства социально активного населения. Процент ситуаций, в которых возможна коррупция, был сравнительно невелик, а процент ситуаций, в которых коррупция необходима или очень соблазнительна, был и того меньше. Я за все годы жизни в Советском Союзе в такой ситуации оказался только один раз: отказался от гонорара за внеплановую книгу, лишь бы её напечатали, а гонорар присвоил чиновник, от которого зависело это. Забавно, что я в высшей степени благодарен этому чиновнику, так как эта книга принесла мне мировую известность и дала возможность получить степень доктора наук и повысить зарплату вдвое. Те, кто мог брать взятки, как правило, находились под бдительным контролем

трудовых коллективов, соседей и знакомых. Взятки брать в больших размерах боялись. Разоблачения были частыми и публичными. Большие деньги тратить открыто было опасно. Чиновники же имели привилегии. Служебное положение использовали другими методами, фактически не разоблачаемыми (например, пресловутый блат). Степень коррумпированности в советские годы стала расти по мере роста благосостояния, снижения степени надзора сверху, увеличения возможностей тратить средства, расширения общений с Западом и т.д.

После крушения советской социальной системы коррупция в России стала стремительно возрастать. По моим измерениям, её степень выросла раз в десять. И после прихода Путина к высшей власти она в целом не снизилась. Ограничены лишь некоторые крайности, да и то в каких-либо политических целях.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ:

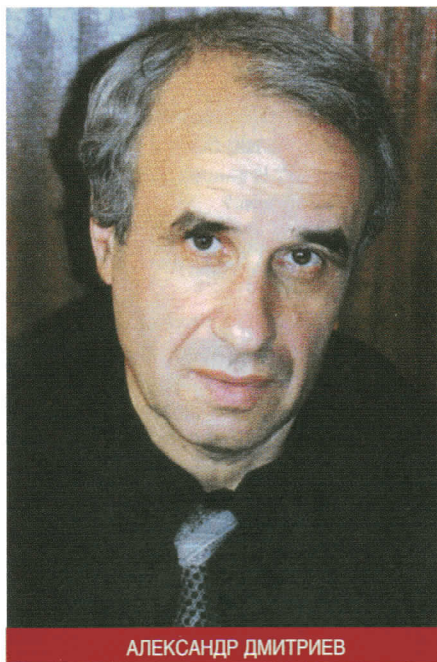
Динамика состояния коррупции за последние годы самая удручающая. Сегодня коррупции раза в три-четыре больше, чем было до рыночных реформ. Правда, при Путине чиновники несколько затаились, страха среди них стало больше. Но по существу ничего не меняется.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВ:

Это верно, что всё познаётся в сравнении, но не всегда такое сравнение возможно. Как можно сравнивать наше время с тем, что было при советской власти или ещё раньше — при самодержавии? Цари, случалось, назначали воевод «на кормление» — жалованья им не платили, зато давали право облагать население любыми поборами на свой «прокорм». Пётр Первый, правда, покончил с такой практикой, стал назначать и губернаторам жалованье — притом весьма и весьма солидное. Но и при нём, как известно, чиновники всех рангов использовали своё положение в корыстных целях. Несмотря на то, между прочим, что царь сурово карал провинившихся. Князя Меншикова собственноручно бивал дубинкой, а князя Гагарина приказал обезглавить. Но думаю, что коррупция в те далёкие годы была всё же не такой, как сегодня. И при советской власти она была скромнее. Причин тому, на мой взгляд, две. Большевикские вожди очень неплохо платили руководящим работникам партийного и государственного аппарата (втайне от народа), а те высоко ценили своё социальное положение, дорожили им — это раз. И два: верховная власть бдительно следила за ними с помощью не только милиции и прокуратуры, но с помощью партийного и народного контроля, широко прибегая при этом к доносам сослуживцев, соседей и даже родственников. Провинившихся же карали самым нещадным образом. И

СЕРГЕЙ БАБУРИН

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

это воздействовало на высшее чиновничество, принуждало его умерять свои аппетиты. Что, в свою очередь, оказывало сдерживающее влияние на бюрократов рангом помельче. Впрочем, так продолжалось только до 70-х годов. При Брежневле начали спускаться на тормозах и серьезные дела о коррупции. Конечно, не из самых «звонких».

А вообще должен заметить, что лежащее в основе коррупции стремление поживиться чужим добром изначально присуще природе человека. Горько говорить так, но сие есть факт. Человек слаб. Но тут дело еще и в масштабах. К сожалению, за последние 15 лет масштабы коррупции в нашей стране возросли многократно. И первопричина тут в гибели СССР и в так называемой «приватизации» — точнее, безнаказанной «прихватизации» государственной собственности. В условиях развала правовой системы и нищенского содержания госслужащих, а они были поставлены новой властью именно в такое унижающее положение — состоялся передел, точнее — открытый грабёж собственности. Общественная собственность пошла «на хапок». Что касается последнего пятилетия, размеры коррупции, думаю, меньше не стали. Может, наоборот. И до чего дошло: бывшего премьера публично обвинили в коррупции, обозвали «Мишей два процента», а он даже в суд на обидчика не подал! О чём это свидетельствует? Мыслимо такое в стране со здоровой психикой?

— Наблюдая за происходящим, какой пример коррупции произвёл лично на вас наиболее отвратное впечатление?

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ:

Самая грандиозная коррупция за всю историю человечества — фактический подкуп довольно обширной части советского насе-

ления, которая выполнила основную работу по разгрому советского социального строя. При этом им заплатили взяткой не в обычном (бытовом) смысле, а гораздо более высокого уровня и масштабов: им отдали на разграбление все те богатства, которые были накоплены за всю советскую эпоху.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ:

На мой взгляд, самые отвратительные примеры коррупции — это то, что произошло с Абрамовичем и Зурабовым. История Абрамовича показывает, как легко у нас можно стать губернатором, даже дважды, как легко можно распорядиться деньгами нескольких поколений, чтобы приобрести футбольную команду «Челси». В данном случае имеем пример нескольких типов коррупции: социальной, государственной, зарубежной. Что касается Зурабова, то удивляет, что министром здравоохранения стал человек, ни одного дня не работавший даже фельдшером. Без коррупции не было бы в их нынешнем состоянии ни Абрамовича, ни Зурабова.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВ:

Все знают, в Москве строительный бизнес монополизирован. Он находится в руках окрестников Лужкова, супруга которого за считанные годы стала владелицей капитала в полтора миллиарда долларов США. В какой другой стране такое возможно? Называют семью Ельцина. Полагаю, что мы ещё ничего не знаем о ней. А когда узнаем, будем потрясены. Вообще же в коррупции замешаны все чиновники, имеющие служебные дела с крупными и мелкими компаниями.

СЕРГЕЙ БАБУРИН:

Я лично столкнулся однажды с фактом дичайшей коррупции в судебной системе.

Был это в начале 2000-го года, я работал тогда адвокатом, защищал людей, против которых ополчилась государственная машина. Ко мне обратилась женщина — бизнесмен Буркина, у которой похитили три векселя на сумму в 250 млн. рублей: один — налётчиками, два — банком, где они хранились. Она, естественно, обратилась в правоохранительные органы за помощью, но исковые документы её «каким-то образом» немедленно оказались утерянными, а против неё ... было сфабриковано уголовное дело. И женщина была осуждена. Четыре судьи сменились, прежде чем был вынесен приговор, потому что дело было дутое, юридически совершенно чудовищно сфальсифицированное. Один из судей пригласил меня на беседу и сказал: «Вы же понимаете: вынести оправдательный приговор я не могу — меня уволят за это. Поэтому давайте я вынесу приговор об условном осуждении». Впрочем, и у этого судьи хватило мужества отказаться от ведения дела. Дело передали следующему, пока, наконец, не нашли некоего г-на Чичко, который закрыл глаза и просто вслепую проштамповал обвинительный приговор. А ведь всё тут просто: те люди, которые обвинили Буркину, и были похитителями её векселей. Для меня этот пример — символ коррумпированности нашей судебной системы.

МИХАИЛ ГРИШАНКОВ:

Ко мне, как к председателю Комиссии по противодействию коррупции, поступают сотни обращений граждан, многие из которых стали жертвами коррупции чиновников, работающих в самых различных сферах: образования, здравоохранения, ЖКХ, строительства, земельных отношений.

Самое тягостное впечатление лично у меня связано с коррупционными преступле-

НИКОЛАЙ ПАВЛОВ

МИХАИЛ ГРИШАНКОВ

ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ

ниями, совершаемыми сотрудниками правоохранительных органов, спецслужб, прокуратуры, а также представителями судебного корпуса, то есть людьми, которые призваны поддерживать законность, правопорядок. Торговля властью в этих структурах подрывает веру населения в справедливость и способность государства защищать права граждан.

ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ:

У меня наиболее яркие впечатления остались от того случая, когда лет 30 назад я устраивался на работу в Московскую городскую коллегия адвокатов. Принёс документы в отдел кадров. Прихожу поинтересоваться: «Ну, как?» А мне отвечают: «Надо ждать». Ну, ждать так ждать. Видно, у них вакансий нет, подумал я. Раз пять приходил в течение года. Потом мне объяснили: «Ты не так его понял — надо ждать. Не ждать, а надо ждать!»...

— Коррупция, коррупционные связи — это своеобразная паутина, опутавшая своей сетью всю власть от мала до велика. Есть ли хоть какие-то способы её разорвать? Может ли бороться с коррупцией власть, если она сама коррумпирована?

СЕРГЕЙ БАБУРИН:

Бороться с коррупцией не только можно, бороться с ней необходимо, иначе наше общество просто не сможет существовать, погибнет. Как бороться? Каждому на своём месте, предавая гласности все известные ему факты. А начинать надо с поддержки честных работников милиции, прокуратуры, чтобы они почувствовали поддержку общества в их борьбе против коррумпированных коллег. Тогда дело можно сдвинуть с мёртвой точки.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ:

Коррумпированная власть не может бороться с коррупцией. В природе нет ни одного случая, чтобы какой-либо вид или подвид сознательно себя уничтожил.

МИХАИЛ ГРИШАНКОВ:

Власть может бороться и должна бороться обязательно. Но так уж исторически сложилось, что в нашей стране очень многое зависит от политической воли. Хотим мы этого или нет, но мощный импульс, способный запустить уже имеющиеся механизмы противодействия коррупции, который был бы воспринят и на федеральном, и на региональном уровнях, и в обществе, должен идти сверху. Чем скорее Совет по борьбе с коррупцией при президенте возобновит свою работу, тем быстрее можно будет перейти к системной работе по искоренению причин, способствующих возникновению коррупции. На мой взгляд, актуальность этого возрастает в связи с объявленным совсем недавно Путиным запуском четырёх национальных проектов, эффективность реализации которых может существенно повыситься, если они будут подкреплены соответствующими шагами в сфере противодействия коррупции. Это, в частности, позволило бы пресечь практику пресловутых «откатов», в результате которых бюджеты разных уровней ежегодно теряют миллиарды рублей. Совсем не хотелось бы, чтобы выделяемые в рамках национальных проектов огромные средства постигла такая же судьба. Уверен, что всестороннюю поддержку в обществе получила бы инициатива по реализации национального проекта — «Антикоррупция».

ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ:

Главный способ борьбы с коррупцией, с продажностью, на мой взгляд, — удалить

поле для коррупции. Теоретические изыскания по данному вопросу не совсем понятны. Будем исходить из практики.

Делаем так, что подкуп в родильном доме исключается. Будущая мама будет рожать только в этом родильном доме. И список будет заранее висеть, чтобы уже нельзя было поехать в другой, думая, что там «салфеточки лучше».

Насчёт школы. Все документы должны приниматься автоматически. В вузы принимаем без экзаменов, а через сессию — контроль знаний.

Нужно сужать поле, убирать контакты чиновника с людьми. Судьба граждан не должна зависеть от настроения чиновников. Таким образом мы сможем нанести удар по коррупции и существенно сузить коррупционные связи и масштабы явления.

В чём заключается коррупция в здании Государственной думы? Никто никому взятки не даёт. Но есть бюджет Госдумы, из которого часть денег идёт депутату. Он должен ими распоряжаться. Но он такого права лишён. Соответственно, деньги в большом количестве уходят на партию власти, на друзей или ещё на что-то. Коррупция — это не обязательно передача денег, это — продажность, и возникает она тогда, когда мы даём кому-то дополнительные права. Этих дополнительных прав не должно быть. И коррупция в структуре власти резко сократится.

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ:

Коррупция в постсоветской России действительно стала устойчивым компонентом всего образа жизни населения. Её можно занизить до некоторого терпимого уровня лишь при условии радикальных преобразований социальной системы в целом, что в сложившихся условиях в стране и в мире практически невозможно. Возможно лишь

создать видимость её снижения за счёт средств фальсификации реальности и оболванивания населения, т.е. прикрыть её, спрятать, назвать другими словами и т.д.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВ:

В Китае, как известно, тоже есть и рынок, и коррупция. Но не такая, как в России сегодня. Почему? В том числе, думаю, и потому, что там расстреливают коррупционеров. В нынешнем году, если не изменят память, было расстреляно 43 человека. И не мелкая сошка. Результат: через наведение таким образом должного порядка они резко повысили свою инвестиционную привлекательность. Есть и ещё способ усилить борьбу с коррупцией — дать Государственной думе и Совету Федерации право проводить полноценные парламентские расследования. Как в США, например. У нас нет такого права. Сейчас в Думу внесён проект закона о парламентском расследовании. Внесён, между прочим, президентом. Так всё серьёзное из него выхолащено. Если он будет принят, парламент получит право проводить расследования только о нарушениях Конституции РФ и фактах терактов, наводнений, пожаров, взрывов на воинских полигонах. И всё!

— Поговорим особо об антикоррупционном законодательстве. Достаточно оно у нас?

ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ:

Антикоррупционное законодательство, конечно, недостаточно разработано и, как следствие, малоэффективно. Нужна тотальная встряска, как, например, в Китае, в Иране, в других странах мира. Будет политическая воля, и мы наведём порядок и в правовых аспектах.

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ:

Законов в смысле принятия решений органами власти у нас более чем достаточно. Их можно принимать сколько угодно. Другое дело — возможность заставить людей выполнять эти законы. А эти возможности ничтожны в сравнении с претензиями законодателей. Эффективность законодательства в нынешней России вообще ничтожна, а в отношении коррупции она близка к нулю.

СЕРГЕЙ БАБУРИН:

И при нынешнем законодательстве вполне можно эффективно бороться с коррупцией. Нам не хватает не законов, а политической воли для их реализации.

МИХАИЛ ГРИШАНКОВ:

Для начала необходимо определиться, что мы вкладываем в понятие «антикоррупционное законодательство». Государственная дума 3-го созыва приняла в первом чтении

законопроект «О противодействии коррупции». Есть разные взгляды на будущую судьбу этого законопроекта: кто-то полагает, что он излишне декларативен и его принятие никак не скажется на эффективности борьбы с коррупцией. Есть и другое мнение: принятие такого закона подчеркнёт приверженность исполнительной и законодательной ветвей власти проведению последовательной антикоррупционной политики. Усилению антикоррупционной составляющей в нашем законодательстве во многом будет способствовать предстоящая ратификация Россией Конвенции ООН против коррупции. 13 октября законопроект был одобрен правительством, в ближайшее время ожидается его внесение президентом Путиным на рассмотрение Государственной думы.

После ратификации в действующее законодательство, в том числе УК и УПК, Закон о государственной службе и другие акты, должен быть внесён пакет поправок, который существенно усилит антикоррупционную составляющую наших законов. В частности, в УК будет возвращён институт конфискации имущества как дополнительное наказание за особо тяжкие преступления, связанные с коррупцией, наркоторговлей, терроризмом.

Уверен, что Россия должна иметь в своём законодательстве и прописанную в конвенции норму об уголовном наказании за незаконное обогащение. На практике это означает, что в случае, если будет выявлено, что расходы чиновника существенно превышают его зарплату, бремя доказывания легальности источников этих доходов будет ложиться на данного чиновника.

У нас могут появиться и другие, принятые в законодательстве многих развитых стран, нормы. Во всяком случае, группа экспертов и правоведов работает над такими предложениями в рамках проводимого Комиссией Госдумы по противодействию коррупции совместно с Советом Европы проекта «Приведение российского антикоррупционного законодательства в соответствие с международными стандартами».

НИКОЛАЙ ПАВЛОВ:

Я тоже считаю, что антикоррупционное законодательство у нас явно недоработано. У нас нет даже специального закона о борьбе с коррупцией. Однажды парламентом он принимался, но не был подписан Ельциным. У нынешнего же думского большинства всё руки до него не доходят. Да что там — мы никак не можем принять закон о конфискации, в том числе и у коррупционеров, незаконно нажитого имущества! Думское большинство не позволяет. В прошлом году провели «круглый стол», обо всём, вроде бы, договорились, а закона нет до сих пор. А как он нужен! Между прочим, на Западе такой

закон в ряде стран есть. Впрочем, закона — даже самого превосходного — мало. Нужна действительно политическая воля для его реализации. Если такой политической воли нет, то даже при самом лучшем законодательстве ничего путного не сделаешь. И ещё не будем забывать: главное, в конечном итоге, зависит от граждан, от общества. А оно на протяжении 15 лет не решается голосовать за оппозицию. Расстрел парламента, обнищание миллионов, развал промышленности, гибель села ничему наших людей не научили. Где тут до борьбы с коррупцией!

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ:

Законов более чем хватает. Надо только упростить их таким образом, чтобы самому несообразительному было ясно, что нельзя делать. Чтобы их заучивали как азбуку с детского сада и со школьной скамьи. Дети сразу запоминают наказание «в угол» и для них это является мощным стимулом хорошего поведения. У нас же в антикоррупционном законодательстве столько параграфов, пунктов и подпунктов, что люди путаются в них, как в лесу, но им не страшно.

— Если бы президентом России были вы, какие действия вы предприняли в первую очередь, чтобы покончить с коррупцией (или хотя бы существенно сократить её)? Или в нынешних обстоятельствах ничего сделать невозможно? Надо ждать, когда клещ насытится кровью и сам отвалится от тела жертвы.

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ:

Я не человек власти. Я — пониматель её, к тому же — теоретик, а не социолог в том смысле, число которых сейчас превышает пятьсот тысяч. Коррупция в принципе ненасытна. Чем больше чиновники имеют официально, тем больше они жаждут иметь за счёт коррупции. В существующей социальной системе России (я называю её постсоветизмом) борьба против коррупции есть прерогатива тех, кто может брать взятки. Так что они могут лишь имитировать борьбу с коррупцией, организуя эту сферу их бытия наиболее удобным для себя способом. А я в роли президента так же не мыслим, как президент в роли автора «Зияющих высот», «Катастрофы», «Русской трагедии» и других моих книг.

ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ:

Коррупция у нас сегодня — это эпидемия. Как борются с эпидемией? Вот птичий грипп. Как эту эпидемию уничтожить? Всех носителей уничтожают и эпидемия останавливается. Так и здесь всех носителей коррумпированных контактов мы должны уничтожить. В один прекрасный день всех чиновников освободить от занимаемых должностей на две недели, а на их места на-

править новых людей и принять положительные решения по всем затянувшимся вопросам. Вы увидите, как вздохнёт страна, скажет: «А всё, оказывается, можно делать и без взяток».

Я не имею в виду всех сажать в тюрьму, но — под домашний арест. И все документы будут выполнены, всё пойдёт. Они ведь прячут документы в сейфах. Давайте вскроем их бронированные кладовые сразу по всей стране, и вы увидите, сколько там лежит денег. Но у нас нет права это сделать.

Самое главное — сделать власть информационно открытой, доступной для граждан. И это несложно. Надо принять закон о гарантиях прав граждан на получение информации о деятельности власти, решениях государственных органов и органов местного самоуправления. Мы в нём устанавливаем обязательный порядок, что вся власть — судебная, исполнительная, законодательная, органы местного самоуправления — должна представлять населению всю информацию о своей деятельности и размещать её на соответствующих сайтах. И вступать в силу их решения должны только после того, как с ним ознакомятся граждане.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВ:

Прежде всего, я не стал бы оглядываться на Парламентскую ассамблею Совета Европы, и ввёл бы смертную казнь по отношению к наиболее крупным коррупционерам. России сегодня нужен прагматический изоляционизм, чтобы можно было дать правоохранительным органам законные основания для решительной и эффективной борьбы с коррупцией. И тогда, между прочим, народ узнал бы, кто из высших чиновников помогал тому же Ходорковскому грабить государство. А нынче смотрите: ни одна чиновная фамилия не была озвучена на процессе Ходорковского. Словно действовал он в безвоздушном пространстве. Узнали бы мы кое-что и об Абрамовиче. Он продаёт «Сибнефть» государству за 13 миллиардов долларов. А за сколько он в своё время купил это предприятие у государства? Говорят, за 100 миллионов. Тогда кто из высших чиновников помог ему сделать такую дешёвую покупку? И — за какие «бабки»?

МИХАИЛ ГРИШАНКОВ:

Я предпочитаю жить в реальном времени. Сослагательное наклонение не для меня. Уверен, что каждый, кто действительно стремится сделать что-то полезное, вполне может делать это, находясь на своём месте. Могу, в частности, сказать, что Комиссия Госдумы по противодействию коррупции, председателем которой с апреля 2004 года я являюсь, в соответствии с возложенными на неё задачами и в рамках её компетенции, делает всё, чтобы максимально минимизировать коррупцию в России. Не являясь

правоохранительным органом или спецслужбой, мы в качестве одной из главных задач видим устранение причин, порождающих коррупцию, в частности, в создании барьера на пути проникновения в законодательство норм и положений, способствующих развитию коррупции. Парламент может и должен бороться не только с последствиями коррупции, но и с причинами её возникновения.

Антикоррупционная экспертиза законопроектов — один из эффективных путей решения этой задачи. Приведу примеры: комиссия на основании анализа, проведённого членами нашего экспертного совета, состоящего из ведущих учёных-правоведов и специалистов в области борьбы с коррупцией, дала отрицательное заключение на предложенные поправки к Закону «О рекламе», в части, касающейся рекламы пива. Созданная по нашей инициативе рабочая группа практически полностью переработала предложенный Комитетом по экономической политике, предпринимательству и туризму вариант закона, исключив из него нормы, которые потенциально могли создать дополнительную почву для коррупции. В итоге закон был принят подавляющим большинством депутатов и, по многим оценкам, достаточно эффективно работает.

Совсем недавно, в мае, комиссия, рассмотрев по указанию Совета Госдумы инициированный членами Совета Федерации Б. Шпигелем и И. Брынцаловым законопроект «О лекарственных средствах», также вынесла отрицательное заключение, выявив в тексте этого документа целый ряд коррупционных положений. В сентябре негативную оценку данному законопроекту по тем же самым основаниям дала и администрация президента в своём заключении, направленном в адрес Грызлова. Ещё об одном направлении работы комиссии — взаимодействии с Советом Европы в части улучшения качества нашего антикоррупционного законодательства, — я уже упоминал.

Ещё раз повторю простую истину: тот, кто не хочет или не может конструктивно работать, ищет причины оправдания своего бездействия — этот будет выжидать. Другие ищут пути, как внести свой вклад в решение стоящих, пусть и весьма непростых, задач.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ:

Если бы президентом стал я, первым бы делом я назначил себя вице-президентом по социальным вопросам, а президентом назначил Путина.

— В стране недавно было создано антикоррупционное общественное движение. За дело решили взяться председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева, режиссёр Сергей Гово-

рухин, поэт Андрей Дементьев, главный редактор газеты «Россия» Сергей Беловецкий и ещё несколько человек из числа общественных деятелей. Что вы можете сказать по этому поводу?

СЕРГЕЙ БАБУРИН:

Я лично приветствую создание любых общественных движений и организаций по борьбе с коррупцией. Лишь бы только польза от них была. А она может быть, если участники этих движений и организаций возьмутся за дело серьёзно.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ:

Создание такого общественного движения — ничто иное, как просто игра. Даже более, чем игра. Потому на такое движение нужна комиссия, которая могла бы определить чистоту, нравственность тех, кто будет в этом движении, убедиться в их работоспособности и принципиальности, проверить их возможность проводить такую работу. А на эту комиссию требуется другая ... и до бесконечности. Всё это несерьёзно. Коррупция была, есть и будет ровно до тех пор, пока чиновников не будет контролировать сам народ.

ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ:

Здесь стоит начать с вопроса о том, как вообще сегодня обстоят дела с антикоррупционной борьбой в России. Организаций и государственных структур, которые пытаются бороться с коррупцией, в России много. Одна из них — это Совет при президенте, который был создан во времена премьер-министра Касьянова и так и не проявил себя, ни разу за всё время не собиравшись. Он является консультативным органом. Вторая структура — это думская Комиссия по противодействию коррупции. Сам факт создания данной комиссии в Государственной думе является, безусловно, очень правильным шагом. Но её эффективность вызывает большие сомнения.

Есть ещё ряд общественных структур, как правило, финансируемых из-за рубежа. Они занимаются так называемым мониторингом коррупционной ситуации в России. А ведь, по большому счёту, как правильно отмечал президент, кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Если общественная организация финансируется из-за рубежа, то нетрудно предположить, что под проблемой коррупции чаще всего понимается не противодействие коррупционерам, а противодействие действующей власти. Очень интересный и содержательный доклад был представлен «Общественным антикоррупционным комитетом» в рамках «круглого стола» — «Коррупция как социальное зло», который проходил в стенах Госдумы в октябре нынешнего года и был организован фракцией ЛДПР.

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ:

Образование такого общественного движения есть характерный пример полного непонимания социальных законов вообще и специфических свойств нынешней социальной системы. Я вовсе не отвергаю любые формы борьбы против коррупции. Я лишь оцениваю эффективность этих форм в сложившихся условиях. Когда в стране пытаются создавать гражданское общество как совокупность организаций, учреждений и движений под контролем высших властей и в поддержку деятельности властей, то я, как исследователь таких явлений, не могу на это реагировать иначе, как с презрением и усмешкой. Конечно, ничего не стоит сказать, что и от таких мер какая-то польза будет. Но какая именно польза и кому именно? И стоят ли усилия реальных результатов? А скорее всего, эта затея вырождается в очередную показуху.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВ:

Образование общественного движения для борьбы с коррупцией — дело хорошее. Его надо приветствовать: оно может привлечь общественное внимание к фактам коррупции. И, надеюсь, будет это делать.

МИХАИЛ ГРИШАНКОВ:

Я являюсь членом Экспертного совета этого движения. Считаю, что гражданское общество должно занимать активную позицию, не давать возможности власти «заставиться». Общественный контроль, в особенности, применительно к сфере противодействия коррупции, является в современных условиях незаменимым и эффективным инструментом.

— Какой зарубежный опыт по борьбе с коррупцией нам стоит взять на вооружение?

МИХАИЛ ГРИШАНКОВ:

Об имплементации в российское законодательство норм международных конвенций, касающихся противодействия коррупции, я уже говорил. Назову ещё два важнейших, на мой взгляд, элемента: это прозрачность власти и независимые средства массовой информации как на федеральном, так и на региональном уровнях. В сочетании с политической волей и сильным гражданским обществом это может стать хорошей основой в борьбе с коррупцией. Я — оптимист и верю, что здоровые силы в России способны консолидировать свои действия на этих направлениях.

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ:

Чей опыт использовать? Любой и никакой, что, по сути дела, одно и то же. На Западе коррупция процветает. Только она при-

нимает формы, соответствующие западным условиям. Американский чиновник за несколько лет работы в аппарате власти ухитряется обеспечить себе безбедное существование на много лет, если не до конца жизни. От него не отстаёт и чиновник западноевропейский. Чтобы разумно использовать западные средства борьбы с коррупцией, надо в России создать условия жизни, аналогичные западным не по видимости, а реальные. Но это не будет означать победу над коррупцией. Она лишь примет другие формы.

Замечу, между прочим, что полное уничтожение коррупции означало бы неизбежность глубокого кризиса западной системы власти и экономики. И в заключение скажу, что самым фундаментальным социальным законом распределения материальных благ

Эффективность законодательства в нынешней России вообще ничтожна, а в отношении коррупции она близка к нулю

является такой: каждый стремится урвать для себя столько материальных благ, сколько это позволяет ему его социальная позиция.

СЕРГЕЙ БАБУРИН:

Конечно, следует использовать полезный опыт многих зарубежных государств. Германии, США, в первую очередь. Представим себе, чтобы где-нибудь в Европе жена губернатора или министра стала заниматься бизнесом в сфере, за которую отвечает её муж. Такое там исключено. А у нас сегодня вполне возможно. Не могут и не должны жена, брат, сват министра здравоохранения заниматься торговлей лекарствами или медицинским страхованием. Повторю: учиться тому, как следует бороться с коррупцией, обязательно надо и на зарубежном опыте. И, может быть, даже у китайцев, где взяточников расстреливают публично.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВ:

Надо брать лучшее, что есть в этом плане в разных странах. И в Германии, и в США, и в Италии, и в Китае... Не надо только слепо следовать зарубежной практике.

ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ:

Поучительным кажется мне опыт Соединённых Штатов Америки. Там тоже берут взятки, но посмотрите, что случилось после известного тайфуна «Катрин». Когда американцы увидели, что администрация Буша оказалась неспособной противостоять этой стихии, начался массовый протест. Начался перелом в общественном сознании. Средства массовой информации преподнесли эту тему настолько всесторонне, что уже к следующему урагану «Рита» администрация подготовилась самым блестящим образом. Да, конечно, ураган не был столь сильным, но он и не нанёс того огромного вреда, который мог бы нанести, если бы к нему власти не подготовились соответствующим образом. О чём это говорит? О том, что общество оказалось способно отразить реалии и отреагировать на них со всей чёткостью своего гражданского самосознания. И потому администрация Буша при всей своей слабости, при всей определённой коррумпированности смогла всё-таки выйти из ситуации со вторым ураганом более достойно, чем с первым.

О чём речь? О том, что нам надо взять на вооружение опыт по формированию действенного жизнеспособного гражданского общества, которое будет участвовать в реальном антикоррупционном процессе и не позволит чиновничьей бюрократии себя обманывать.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ:

Надо перенимать опыт, учиться не у какой-то страны, а у нормальной семьи. У отдельно взятой порядочной семьи. В семьях, если, конечно, они нормальные, коррупции не бывает. Там всё на виду, всё гласно, всё открыто. И всё делается в общих интересах.

Да, такой коррупции, как сегодня, Россия не знала никогда. К подобному заключению пришли все участники разговора. Сошлись они также и в том, что причину случившегося следует искать в тех реформах, которые проводились в стране последние 15 лет. Экономических, социальных, политических.

А вот о том, что нужно делать, чтобы побороть коррупцию, единого мнения среди участников «стола» не обозначилось. Впрочем, не это печально. Это, скорее, естественно: говорили люди разных политических взглядов. Тревожно другое: ни один из участников не излучил оптимизма, что в обозримом будущем коррупцию в её нынешнем виде мы обязательно преодолеем. Скорее, наоборот.

А это очень прискорбно, господа!

Ведущий «круглого стола»
Борис КРОТКОВ